

Ш В Е Д С К И Й Д Е Т Е К Т И В

THE SWEDISH DETECTIVE

Зловещее путешествие
по самым темным углам души.
Йорннёпингс – Постен

Мари Хермансон

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Динамичный психологический триллер
о попытке примерить на себя чужую жизнь.
Литературное агентство «Онио»

Мари Хермансон
Двойная жизнь

«Центрполиграф»

2011

Хермансон М.

Двойная жизнь / М. Хермансон — «Центрполиграф», 2011

У преуспевающей бизнес-леди Ивонн Герстранд появилось необычное увлечение: по вечерам она уезжала в пригород и гуляла по улочкам между коттеджами, подглядывая в окна за людьми. Вскоре она знала многое о каждой семье в этом поселке, и только жизнь обитателей дома номер 9 по улице Орхидей оставалась для Ивонн тайной. Случайно заметив объявление о том, что хозяину этого дома Бернхарду Экбергу требуется помощница по хозяйству, Ивонн, неожиданно для самой себя, позвонила и, представившись Норой Брик, предложила свои услуги. Два раза в неделю Ивонн посещала дом Экберга, все более вовлекаясь в жизнь хозяина, пока ей не открылась страшная тайна его семьи...

© Хермансон М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	10
Глава 5	13
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мари Хермансон

Двойная жизнь

Часть первая

Предместье

Глава 1

Она идет по пригороду, вдоль спокойных и безмятежных улиц, мимо ухоженных уютных садов. В домах горит свет.

На аккуратных кухнях она видит выстроенные в ряд над плитами наборы однообразных баночек со специями, большие экраны телевизоров, изменяющие цвет комнат, и ссутулённые спины возле компьютеров.

Стоящий у плиты мужчина почесывает затылок ручкой от электрического вертела.

Молодая мамаша с младенцем на руках ходит взад-вперед по комнате, а над детской кроваткой горит маленький ночник.

Женщина стоит у открытого окна: она курит и плачет.

– Не плачь. Все не так уж и плохо, как ты думаешь. Не плачь!

Женщина прекращает плакать и озирается. Слышит ли она шепот в ночи? Знает ли, что не одинока?

Вот и Счастливое семейство в своем домике-развалюхе с неподстриженной лужайкой, клеткой для кроликов и сараем для дров.

– Я спасу вас, – шепчет она. – Пока я здесь гуляю, с вами не может случиться ничего плохого.

Гаснут экраны телевизоров и компьютеров. Над дверью дома семьи переселенцев медленно развевается в темноте шведский флаг.

– Спите все, – снова шепчет она. – И вы – отцы и матери, – и ваши дети. И вы – вдовы, вдовцы и разведенные. Спите и вы – птицы в кронах деревьев, ивы – «вольво-комбис» у ваших ворот, и вы – собаки, хомяки и кролики, надежно укрытые в зелени, под кронами больших величественных деревьев.

Улицы пустынные и безлюдны. Предместье заблаговременно отходит ко сну: ведь завтра нужно рано вставать. Там, снаружи, вас ждет тяжелая работа с программами по сокращению, реорганизациями и полной неопределенностью.

Зашуршали ежи у изгороди, заматались зайцы на лужайках, и коты серыми полосами нырнули под припаркованные автомобили.

Теперь светятся только маленькие ночники да мерцает экран компьютера у кого-то особо прилежного и беспокойного. Он боится, и ему не до сна.

– Иди спать, – шепчет она. – Тебе вовсе не нужно ничего бояться. А нужен тебе сейчас только сон. Спите, дорогие мои. Вас всех будут любить. Если вы думаете иначе, то это неправда. Вас будут любить. Мне неизвестно кто, я только знаю, что все будет именно так. Вас будут любить большой любовью, вы слышите меня, друзья мои? Вас всех будут любить, бесконечно долго.

Глава 2

Ивонн наблюдала за предместьем на протяжении двух лет и за это время очень хорошо его изучила. Она знала проживающие здесь семьи, их привычки, вкусы, их распорядок дня.

Это был пригород с разнообразной застройкой, которая, судя по всему, поэтапно возникала в разное время. Женщина предполагала, что первые дома были построены здесь еще в начале века, когда кругом постиралась только голая земля. Это были крепкие деревянные жилища со всевозможными пристройками.

Далее, чуть выше по склону, стояла парочка своеобразных и забавных домишек: они принадлежали бедным людям, построившим их целиком, доска к доске, своими руками, насколько хватило денег. Скорее всего, таких латаных-перелатанных домов здесь было еще немало, но новые владельцы изменили их внешний вид до неузнаваемости.

Внутренним взором Ивонн хорошо видела историю этих мест. После первой волны заселения округа, скорее всего, не сильно преобразилась. Ивонн отчетливо представляла себе, как босоногие ребятишки из бедных семей играли на камнях, их родители на своих клочках земли обрабатывали картофель, а на пастбище паслись коровы.

Впрочем, таким совершенно нетронутым это предместье выглядело только до 60-х годов XX века, до тех пор, пока здесь не развернулось настоящее строительство. С того времени осталось великое множество коттеджей из желтого, красного или белого кирпича, окруженных маленькими, не требующими особого ухода садами с множеством хвойных деревьев.

Следующий этап застройки пришелся на 80-е годы прошлого столетия. К тому времени город настолько разросся, что находившееся за его пределами предместье неожиданно превратилось в его окраину и цены на землю там поползли вверх.

Тогда-то и началось наступление сюда богатых. Поскольку большая часть земель здесь уже была застроена, им пришлось возводить дома на новых участках, в стороне от прежних землевладений. Своими чистыми белыми фасадами с круглыми окнами-иллюминаторами и огромными навесами они напоминали гордые корабли, временно пришвартовавшиеся у этого горного склона.

У ворот этих фешенебельных коттеджей стояли автомобили «мерседес» и БМВ (в противовес им, «вольво», а именно «вольво-комбис», была в этом предместье наиболее часто встречающейся маркой: у ворот более простых домов их стояло такое количество, что это выглядело едва ли не комично).

После сооружения этих кичливых дворцов 80-х годов застройка предместья была завершена. В последние годы – то есть в то самое время, когда Ивонн изучала здешние места, – к прежним домам прибавилось лишь еще несколько, и только один из них был построен с нуля на пустыре. Как правило, во всех остальных случаях владельцы покупали полуразвалившиеся хибары, сносили их (оставляя узловатые яблони в саду) и возводили на их месте новые дома. И двухскатными крышами из красной черепицы, затейливыми фронтонными окошками: вертикальными белыми или светло – желтыми (с деревянной обшивкой), маленькими треугольными или полукруглыми – эти совершенно новые дома стали походять на самые старые из имевшихся здесь строений.

Казалось, круг замкнулся, и время в предместье началось заново.

Глава 3

Ивонн называла предместье своим, но, по сути, оно таковым не являлось. Она жила вовсе не в этих местах, и даже не поблизости, и не была лично знакома ни с одним из жителей этого пригорода.

Она впервые оказалась здесь в один из майских вечеров, когда приехала домой к одной из своих клиенток для того, чтобы заняться наведением порядка на ее письменном столе. Это было как раз в те времена, когда Ивонн что-то еще делала своими руками (теперь этим занимались ее девочки).

Ивонн была немного усталой, но при этом в приподнятом настроении: она осталась довольна своей работой. Около десяти часов утра вместе с клиенткой они начали разбирать завалы из разного рода протоколов, писем, записок, проспектов, невымытых кофейных чашек, визитных карточек, компьютерных распечаток и газетных вырезок. Уже в половине шестого после систематического просмотра каждой записки в отдельности перед ними стояло несколько заполненных скоросшивателей и папок, а также один большой пакет с мусором (все это согласно методике ее фирмы). Ивонн в довершение своей работы всегда протирала стол тряпкой, чтобы еще больше усилить ощущение чистоты и порядка. Клиентка была настолько благодарна ей за проделанную работу, что едва не расплакалась. Она смотрела на новые, ослепительно-белые скоросшиватели, которые вместе с Ивонн лично поставила на полку, а затем, проведя рукой по пустой поверхности письменного стола, прошептала:

– Вот как он, оказывается, выглядит. А что это, собственно, за дерево? Дуб?

– Вряд ли. Скорее всего, это ламинат, – ответила Ивонн и убрала в портфель тряпку и маленький баллончик с чистящим средством. – И немедленно вызывайте меня, когда снова перестанете справляться. Но если последуете моей методе, то уверяю, вам никогда больше не придется со мной встречаться.

Около шести вечера Ивонн села в свой автомобиль и поехала домой. Из динамиков лилась классическая музыка, а в открытые окна струился теплый ветер. Тихо и мягко гудел двигатель машины.

Внезапно Ивонн почувствовала неладное. Неужели воздух перед ней стал густым и непроглядным или зрение испортилось настолько, что ей вдруг потребовались очки? Или, быть может, кто-то просто развел неподалеку костер? Нет, похоже, что эта дымка, затрудняющая видимость, на самом деле была дымом, и шел он из ее собственной машины. Запахло гарью. Густой, черный, зловонный дым сгустился в облако. Она бросила взгляд на приборную доску и увидела, что зажглась сигнальная лампочка индикатора перегрева двигателя.

Ивонн съехала на обочину, включила стоп-сигналы и быстро вылезла из машины. И прежде чем она смогла толком понять, в чем же дело, рядом с ней остановился «мерседес» и водитель любезно предложил отбуксировать ее автомобиль к находившейся поблизости автомастерской. Смущенная женщина с благодарностью приняла предложение и вскоре уже стояла у бензоколонки с маленькой автомастерской во дворе.

Мужчина, отбуксировавший машину Ивонн, должно быть, сильно торопился, но прежде, чем этот рыцарь проселочной дороги уехал, она успела сунуть ему маленькую брошюрку, повествующую о работе ее предприятия. Мужчина мельком глянул на обложку и без слов сунул брошюрку в сумку (это было еще в те времена, когда ее фирма не имела своего минималистского профиля, а работала под этим жутким логотипом в виде часов, проскальзывающих в прорезь свинки-копилки). Судя по автомобилю и одежде, водитель «мерседеса» был преуспевающим карьеристом. А может, это ее потенциальный клиент? Однако он отнюдь не выглядел подавленным отсутствием свободного времени, ведь было же у него время остановиться и помочь ей.

– Оторвался рукав радиатора, – сказал темноглазый симпатичный автомеханик и склонился над двигателем. У него были такие длинные ресницы, что ему позавидовала бы любая женщина. Когда юноша шурился от едкого дыма, они торчали, словно густые кисточки.

– А это можно быстро починить? – с надеждой в голосе спросила Ивонн.

– На это уйдет час, а то и два, – ответил автомеханик.

Ивонн глянула на свои маленькие изящные титановые наручные часы, которые на прошлое Рождество получила в подарок от мужа (этот презент словно специально был создан для того, чтобы написать на нем рождественский стишок, в котором вполне можно было бы обыграть название ее фирмы, но Йорген конечно же ограничился лишь коротким поздравлением). У ее часов был вытянутый четырехугольный циферблат, без каких-либо цифр или иных знаков, стрелки были короткими и острыми, как шипы розы: и при этом минутная была лишь незначительно длиннее часовой. Лишь спустя полгода Ивонн научилась, наконец, понимать по ним время. Но с уверенностью она могла определить только целый час, половину или четверть часа. Сейчас было четверть седьмого, и сам по себе этот факт не являлся основанием для безграничной радости, поскольку он означал, что мастерская, по сути, была уже закрыта, а следовательно, придется оставить в ней машину до следующего дня. Она достала из портфеля мобильный телефон, чтобы вызвать такси, и обратилась к механику с вопросом, какой ей назвать адрес: выручивший ее водитель по дороге к мастерской колесил по каким-то кривым улочкам, и Ивонн никак не могла взять в толк, где она теперь находится.

– Думаю, что смогу управиться и побыстрее. А вы пока можете подождать там, в бытовке. Кофе на электроплитке, – добавил юноша.

– Значит, вы отремонтируете машину прямо сейчас? – спросила Ивонн с удивлением.

Механик кивнул, и Ивонн поблагодарила Бога за то, что этот прилежный эмигрант не очень-то беспокоится о своем рабочем времени.

Ивонн заехала на машине в мастерскую, а затем спустилась по маленькой лестнице в подвал, в бытовку, где ей и предстояло провести все это время в ожидании.

Кофейник, действительно, стоял на электроплите: судя по вкусу кофе, он находился там с самого утра. Ивонн бросила взгляд на пластиковые стулья и подумала, что застарелые масляные пятна, скорее всего, испортят ее костюм цвета нуги. Затем она все-таки уселась и, глотнув горького напитка, огляделась: на стенах выцветшие плакаты с изображениями автомобилей «Формулы-1», а еще пепельница, полная окурков, и календарь, на котором изображена сексапильная модель верхом на шине от грузовика. Мысль о том, что придется провести здесь часок-другой, не показалась ей особенно заманчивой.

Ивонн снова поднялась в мастерскую, а потом и вовсе вышла на улицу. Разобрать, что находится в соседних домах, поначалу показавшихся ей магазинами, было невозможно. Чуть поодаль женщина увидела футбольную площадку и несколько стоявших возле нее одноэтажных зданий, которые, по всей вероятности, вполне могли быть школой. Ивонн двинулась в направлении того участка, который показался ей более зеленым и привлекательным. Но, пройдя немного, поняла, что находится на окраине небольшого предместья, застроенного коттеджами. При этом понятия не имела о том, в какой его части оказалась.

Она пошла вдоль улицы, впервые вступив, таким образом, в тот мир, который позднее будет вынуждена познать до мельчайших подробностей. Однако тогда это был всего лишь незнакомый ей пригород, находившийся в стороне от основных дорог, где ей пришлось провести часа два в ожидании того момента, когда ее автомобиль снова окажется в рабочем состоянии и вывезет ее обратно на главную магистраль.

От этого первого знакомства с предместьем в памяти Ивонн сохранилось, прежде всего, обилие зелени, тишина и пение черных дроздов. Она шла, нет, она неспешно прогуливалась в

приятном медленном темпе, впервые после окончившегося всего пару недель назад отпуска, и с нескрываемым любопытством и интересом глядела по сторонам. Как настоящая туристка.

Вокруг цвели фруктовые деревья и розы сорта «Форсайт». На грушах едва показались первые листочки, которым, вероятно, было всего несколько часов от роду. В перелеске, на окраине предместья над кронами деревьев витала светящаяся зелень, словно прозрачный зеленый газовый шлейф. Люди мирно работали в садах. Пахло землей, вдоль улицы носились мотоциклы, в голубых сумерках слышались детские крики и удары мячей.

На коротеньких лапках семенил через улицу ежик. Он выглядел невероятно озабоченным и целеустремленным. Зверек удивительным образом спешил прямо навстречу Ивонн, и она безмолвно замерла на месте, чтобы не спугнуть его. Когда еж был уже в полуметре от ее туфель Serutti, он остановился и, растерянно пригнувшись, как будто вздрогнул. В царившей тишине Ивонн могла различить его дыхание, и это заставило ее содрогнуться от благоговения. В это мгновение она подумала о том, что может даже услышать биение маленького сердечка животного, но потом поняла, что это всего лишь галлюцинация и что она слышала свой собственный пульс, такой же учащенный, как и у ежа.

Неожиданно ежик решительно изменил свой курс и засеменил в другом направлении, в сторону изгороди, и всем своим маленьким круглым тельцем протиснулся сквозь густые заросли. Ивонн еще долго стояла и слушала, как он, фыркая, шуршал возле ограды.

Из ворот гаража вышла кошка, подбежала к ногам Ивонн и принялась кротко ласкаться.

Две девочки, лет по тринадцать – четырнадцать, сидели на заборе. Для этого прохладного весеннего вечера они были одеты в не по погоде легкие платьица, с рукавами, едва прикрывавшими руки. Но девочки разговаривали о чем-то очень серьезном и совсем не хотели идти домой.

Ивонн слышала доносившиеся из открытых окон голоса; где-то завели автомобиль, и машина умчалась прочь. Но стоило ей приблизиться к лесу, как тут же до нее донеслось хорошее пение птиц, которые, пребывая в полнейшем упоении весной, казалось, уже и вовсе сошли с ума.

Она посмотрела на часы – теперь они показывали слишком сложное для ее понимания время, без каких-либо четвертей. И снова ей пришла мысль о том, что при выборе подарка Йорген оказался гораздо прозорливее, чем сам мог предположить: он не только подарил ей «больше времени», но также дал понять, как непросто его поймать. Вообще-то оно, конечно, не столь иллюзорно, как может кому-то показаться при виде обычного циферблата. У Ивонн тогда возникло ощущение, что уже пора возвращаться в мастерскую, и когда она пришла, то оказалось, что ее автомобиль готов и она может ехать домой.

Затем жизнь понеслась по накатанной колее: работа, семейные и материнские заботы... Ее дело росло и развивалось, оно становилось все лучше и эффективнее, и это экономило все больше времени, как клиентов Ивонн, так и ее личное.

Однако вечер, проведенный в незнакомом предместье, оказался для нее особенным. Случалось, она сидела на каком-нибудь совещании, и ни с того ни с сего в ее памяти возникали и тот высокий забор, и стук ударявшихся об асфальт мячей, и учащенное дыхание ежика, и цветущие фруктовые сады.

И она подумала о том, что вполне могла бы пережить все эти ощущения заново. Ей всего-то навсего нужно было снова отправиться туда, оставить машину у бензоколонки и прогуляться среди домов. И неужели все снова повторится? Скорее всего, нет. Такие моменты не возвращаются.

Глава 4

У каждого из нас есть свой особый талант. Это может быть музыкальный слух, умение вовремя сконцентрироваться, держаться в седле, чутье в делах.

Талант Ивонн заключался в эффективности: она умела улаживать дела с наименьшими усилиями и в кратчайшие сроки.

В общем – то, она не делала ничего особенного, но если за что-то бралась, то работала быстро, элегантно и без напряжения: будь то смена постельного белья, организация званого обеда или проведение какого-либо совещания. Не вдаваясь в подробности, она принималась за любое дело, не вваливая на себя больше того, что смогла бы осилить, и не позволяя себе пасовать даже перед лицом разрушительной самокритики. Она просто делала то, что должна была, не больше и не меньше. И что очень примечательно и даже необычно, сама устанавливала эти рамки. Ивонн считала, что для того, чтобы все продвигалось быстро и легко, ей необходимо тратить интеллект, время и силы с исключительной рациональностью.

Это было дано ей с рождения, но такой талант, как и любой другой, нужно было развивать. Сначала она развивалась, чтобы выжить. Ей это было крайне необходимо. А потом уже для того, чтобы посмотреть, насколько сможет в этом преуспеть. И наконец, для того, чтобы чему-либо научиться, изобрести собственную методику и привлечь к этому делу других.

Ивонн организовала консалтинговую фирму, а также курсы по повышению квалификации для других предприятий и общественных институтов. Она предлагала организованные на заказ курсы по дальнейшему обучению. Сотрудничала со многими экспертами и инструкторами по проведению семинаров на различные темы: начиная с обучения иностранным языкам и этике предпринимательства, буддийской философии разрешения конфликтных ситуаций Чи Гонг и до увлекательнейшей акварельной живописи. А иногда – в последнее время это направление оказалось весьма востребованным – некоторые из таких мероприятий имели чисто духовную направленность. К числу партнеров Ивонн относилась и шведская церковь.

Сначала ее фирма называлась «Больше времени», и ее методика презентовалась как возможность более эффективно использовать собственное время. Затем, после скрупулезных консультаций с многочисленными экспертами, название изменилось, превратившись в «Твое время»: «Твое» приобретало несколько личностный характер, став скорее качественным, нежели количественным, и звучало менее вульгарно, чем «Больше».

– Сегодня никто не хочет иметь больше, больше осталось в прошлом, двадцатом веке, это уже не стильно, – презрительно заявил один молодой трендовый эксперт. – Сегодня все внимание к мелким деталям, узкой специфике и эксклюзивности. Только для тебя одного существуют и профессии, и забота, и качество. Лучше один испеченный собственными руками пирог, чем десять изготовленных на предприятии. Лучше сшитая индивидуально на заказ пара кальсон, чем костюм фабричного производства.

Таким образом, вместе с названием поменялась и концепция. Исходя из неоспоримого факта, что время на самом деле существует, те, у кого оно есть, рассматривают его с точки зрения новых перспектив, подчеркивая, что оно должно называться не иначе как «твое собственное время»: ведь это – Божий дар, твое пребывание на земле, твое мгновение в вечности. Поэтому ты и никто иной должен решать, как им распорядиться. На смену свинке-копилке с часами пришла сверкающая капелька росы, а «курс лечения» стал более щадящим и более философским.

Первый вопрос, который Ивонн всегда задавала своим клиентам, звучал так: «А что бы ты хотел сделать со своим временем?» И все чаще этот вопрос она задавала и самой себе, когда утром перебиралась с подушек для занятия йогой на эргономичный стул возле письменного стола. Как бы тебе хотелось распорядиться этим днем?

Как правило, у Ивонн конечно же были дела – и не так чтобы совсем мало, – но пара часов свободного времени у нее всегда имелась в запасе. Зачастую она улаживала кое-какие вопросы, к примеру готовилась к докладу, делала пару телефонных звонков, отправляла несколько писем по электронной почте, но иной раз она принимала решение отправиться в спортклуб или просто почитать. «Самое главное заключается в том, чтобы чувствовать, что это решение исходит от вас самих», – повторяла она слушателям и участникам проводимых ею семинаров.

В дальнейшем, уже после того весеннего дня, у Ивонн всегда при принятии какого – либо решения был выбор, однако она очень долго не решалась его сделать, если считала ту или иную затею безумной и бессмысленной. И почему, собственно, ей необходимо тратить свое время на то, чтобы болтаться в каком-то совершенно незнакомом ей предместье?

А с другой стороны – почему бы и нет?

И тогда женщина снова туда отправилась. А между тем уже наступила осень.

Ивонн припарковалась на окраине пригорода, поставив машину почти вплотную к забору. Женщина прогуливалась там около часа. Она обходила жилые кварталы, петляя среди домов, как в лабиринте, и стараясь не проходить по одной и той же улице дважды. Ей не хотелось привлекать к себе внимание, не хотелось, чтобы люди задавались вопросом, почему она ходит здесь взад-вперед, хотя у нее нет на то видимых целей и оснований.

Конечно, посещение жилого квартала без причины отнюдь не воспрещалось. Но это выглядело как-то необычно. Здесь сновали только местные жители, их гости да мелькавшие то тут, то там какие-нибудь рабочие, которые быстро отыскивали дом, в который, собственно, и направлялись. Бесцельное блуждание Ивонн походило на воскресную прогулку на свежем воздухе или на субботний шопинг в центре города. Но здесь, в этом предместье, такое поведение казалось скорее неприличным и почти недопустимым.

На этот раз ощущение того, что она здесь – непрошенный гость, стало еще сильнее, поскольку было уже темно и в домах горел свет: можно было заглянуть внутрь каждого из них и увидеть кусочек повседневной жизни его обитателей. Здесь вся семья собралась за ужином, там перед экраном компьютера застыла сосредоточенная фигура, а дальше какая-то женщина что-то достает из шкафа.

Конечно же Ивонн не стояла как обычный зевака. Она медленно шла вперед, стараясь поймать взглядом как можно больше. Для людей в домах она была просто прохожей, незнакомкой, пришедшей в гости к их соседям. Или одной из тех, кто живет еще дальше, и потому они никогда прежде ее не видели. Или, быть может, совсем недавно переехала в эти края.

Да, впрочем, едва ли они думали о ней. Она была просто статистом, который находится здесь для того, чтобы их улицы вконец не опустели. Незамысловатая роль. Ей вовсе не нужно иметь красивую внешность или быть хорошо одетой, говорить умные вещи или вести себя особым образом. Никто из проживающих в этих домах не ждал от Ивонн ничего особенного. Женщина просто шла, прогуливаясь по погруженным в осеннюю тьму улицам, бросала взгляд на окна, выхватывая часть происходившего в поле ее зрения. И для них она, на короткое время возникшая в раме их окна, была всего лишь один фрагмент, который эти люди так же неосознанно фиксировали в своей голове, как если бы это была просто проходившая мимо кошка или стайка воробьев.

Таким образом Ивонн гуляла целый час, встретив на своем пути одного-единственного человека, пожилого мужчину с таксой на поводке. Неожиданно прохожий вежливо кивнул Ивонн, и она ответила ему тем же.

Вернувшись домой, она ни словом не обмолвилась о своей поездке. Муж Йорген наверняка бы ее не понял. Да и Симон, сын, тоже. Она едва ли смогла бы объяснить им, почему почти целый час зябла на улице, прогуливаясь в каком-то чужом предместье, вдали от собственного дома. Она и себе самой не смогла бы этого объяснить.

Ивонн просто промолчала. И снова и снова продолжала ездить туда по вечерам после работы. Иногда она заканчивала свои дела раньше и отправлялась в пригород средь бела дня. Но никогда никому ничего не рассказывала об этом. Предместье стало ее тайной.

Глава 5

В бюро «Твое время» Ивонн появилась около девяти утра. После разговора с Циллой о проведении с группой безработных курса для начинающих владелица фирмы вошла в свой кабинет, просмотрела электронную почту и отсортировала спам текущего дня.

В семи сообщениях ей предлагались круглосуточные безрецептурные поставки психофармастики. В восьмом обещали при помощи некоего гормонального препарата сделать ее грудь еще больше и соблазнительнее. В следующем ее попытались завлечь такими же губами. В трех последующих – средства для похудения. В девяти ей обещали увеличение пениса (в последнее время подобные предложения заметно обскакали даже рекламу виагры). Наконец дошло до того, что некая фирма изъявила желание убедить ее вложить средства в производство одного доселе секретного изобретения. И потом еще два сообщения отправителя спама по контролю и приостановке действия всех спама, где предлагалось обезопасить себя от подобных сообщений.

Затем Ивонн разобрала обычную почту, быстро пролистала ежедневник и, следуя собственной методе, навела порядок на столе – эта привычка уже давно вошла в ее плоть и кровь.

В десять минут двенадцатого она сменила свой рабочий стул на лежавшие на полу подушки для йоги. Уселась в позе полулотоса и, прежде чем закрыть глаза, быстро пробежалась взглядом по комнате, в которой находилась.

Этот кабинет занимал одно из помещений в старом здании в самом центре города. На книжных полках стояли белые папки со скромной голограммой «Твоего времени» в виде капельки. Изразцовая печь (уже замурованная, но тем не менее все еще красивая) и марокканский настенный ковер в красных и желтых, цвета охры, тонах на стене, бывшей в противоположность ему белой и пустой. На письменном столе – плоский экран компьютера и выдававшая виды клавиатура, неровный спиральный блок, фломастер с мягким кончиком и телефон, дизайн которого, будто бы случайно возникший на пустом месте, словно водяная лилия посреди озера, весьма органично вписывался в интерьер.

На этот раз веки Ивонн сомкнулись, и она целиком сконцентрировалась на дыхании.

Без четверти двенадцать Ивонн была уже на улице.

Однажды она в шутку сказала одной из слушательниц курсов следующее: «По окончании занятий ваша работа будет настолько эффективна, что в бюро вы станете проводить не больше одного часа в день». Они обе рассмеялись. Однако теперь Ивонн стояла вот здесь, на улице. А между тем она могла работать еще лучше. Цилла и Лотта большую часть работы делали самостоятельно и справлялись с ней превосходно.

Ивонн позволяла себе лишь собирать информацию. А деньги рекой текли на ее счет.

Ивонн привыкла упорно трудиться и делала это для того, чтобы потом работа могла идти в чуть более размеренном темпе. Она вполне могла бы заняться делами и сейчас, поскольку покой ей немного наскучил. Наверное, следовало взяться за что-то новое, начать с нуля. Но это лишь раз в жизни приносит истинное удовольствие.

Пообедав в одном маленьком суши-ресторанчике, Ивонн подумала о том, чтобы отправиться в спортклуб. Спортивные принадлежности остались у нее в машине, однако она не восприняла эту идею всерьез, поскольку в глубине души уже приняла решение. Ей хотелось поступать только исходя из возможностей выбора, и чтобы при этом не быть зависимой.

И она отправилась в предместье, что неоднократно проделывала в течение недели.

Был тихий хмурый сентябрьский день, воздух напитался влагой, но вместе с тем было все еще по-летнему тепло.

Ивонн припарковалась там, где она обычно это делала, и стремительно пробежалась по своему обычному маршруту.

Сначала, направляясь по улице Белых Шипов, центральной улице предместья, она миновала четыре квартала. Здесь в окружении огромных садов расположились одни из старейших в этих местах домов. Затем свернула на улицу Флоксов, поднялась в гору и прошла еще два квартала. Прежде в одном из здешних домов проживало очень прилежное семейство. Молодая жена, часто засиживаясь вечерами за кухонным столом, что-то учила. Белье висело повсюду на спинках стульев. Иногда она привозила на кухню еще и детскую коляску и, читая, ритмично покачивала ее. Поздно возвращаясь домой, ее муж весь вечер просиживал за компьютером. Вполне очевидно, что их усилия оказались не напрасными. Вскоре вместо скромной «тойоты», стоявшей у ворот их дома, появилась серебристая «Вольво – 760». А затем в один из дней они и вовсе съехали. Их старый дом был маленьким, и они, вероятно, переехали жить в другой, побольше.

Теперь здесь проживала какая-то семья из Турции, или Ирана, или откуда-то еще. В их жилище все сверкало и искрилось, как во дворце махараджи. На кухне висели гардины из сиреневого тюля, а дверцы шкафов с обратной стороны были затянуты шелковым крепом. На огромной софе, отливающей золотом и зеленью, под люстрой с розовыми подвесками, часто сидели бородатые мужчины и усердно жестикулировали. Ивонн живо представляла себе, что они замышляют переворот у себя на родине.

В доме по соседству проживали земляки этой семьи, но они не вызывали у Ивонн таких же положительных эмоций. Прodelав дыру в заборе, они частенько наведывались друг к другу в гости. Обе семьи повесили на флагштоки, прикрепленные к стенам их домов, шведские флаги.

Вслед за улицей Флоксов шла Ливневая улица. Здесь находился один неприметный маленький домишко постройки еще сороковых годов, который сначала не пробудил у Ивонн решительно никакого интереса. Но однажды, когда она проходила мимо него в половине восьмого вечера, произошло нечто весьма забавное. И самое поразительное было то, что впоследствии картина повторялась из раза в раз, точно в одно и то же время, как зимой, так и летом, и в дождь, и в снег, и в солнечную погоду.

А случилось вот что. У одной из пристроек дома на крыше имелась терраса. И ровно в половине восьмого открывались двери и на пороге комнаты, из которой доносились тревожные фанфары узнаваемой мелодии, предшествующей выпуску новостей, появлялся пожилой мужчина в распахнутом купальном халате. Решительным шагом он направлялся к парапету, а его спящее мужское достоинство мерно раскачивалось в разные стороны под волосатым брюхом. Он зажигал сигарету и, трижды жадно затянувшись, бросал окурочек через парапет балкона с видом напускной брезгливости, а затем поворачивался и, преисполненный невозмутимого достоинства, возвращался в дом. Эта сцена напоминала Ивонн средневековые механические часы, из которых в строго определенное время суток возникали жестяные фигурки.

Дальше по Ливневой улице в одном из домов жила неформальная семья, которую Ивонн в шутку окрестила Счастливым семейством. У них имелся огромный сад с загонами для кроликов, старые велосипеды, сарай, преобразованный в дом для игр, шалаш на дереве и старый «сааб», который глава семейства постоянно ремонтировал, но, несмотря на все его усилия, автомобиль так и не сдвинулся с места. Фасад дома был отделан истрескавшейся асбестовой плиткой, трава возле дома никогда не подстригалась, а окна никогда не мылись. Летом семья собирала друзей на большие празднества в саду, но без обязательного в таких случаях гриля. У хозяина дома, постоянно ходившего во фланелевых рубашках, была всклокоченная рыжая борода, а у его жены, никогда не пользовавшейся косметикой, вдоль спины свисала роскошная длинная коса. В них обоих было что-то от хиппи и вместе с тем что-то народное. Ивонн так и не смогла решить для себя, к какой категории их отнести: то ли к одной из христианских сект, то ли к эко-фанатам.

Иногда она воображала себе, что бы было, если бы она поменялась местами с женщиной с косой и взвалила на себя все целиком: и дом, и детей, и кроликов, и бородатого мужчину. Но не навсегда, а так, на пару недель, не больше.

Затем появился лиловый дом. Его жильцы не относились к категории тех, кого можно было бы заподозрить в том, что они принадлежат сообществу хиппи или являются эксцентричными людьми искусства. Наоборот, эта пара, оба уже за пятьдесят, носила опрятную одежду спокойных тонов. Ивонн изредка встречалась с ними, когда супруги выгуливали миниатюрного спаниеля Гасси. Они никогда не заходили дальше стоявшего поблизости фонаря, и псу приходилось тянуть из рук черный пластиковый поводок и пригибаться, когда женщина тактично отворачивалась. Иногда хозяйка дома вытряхивала прямо с балкона розовое, цвета семги, покрывало. В один из летних вечеров, когда окно спальни было открыто, Ивонн услышала крик этой женщины: «Эй ты, вонючий импотент, я буду пить столько, сколько мне захочется!»

С Ливневой улицы Ивонн, как правило, сворачивала на улицу Орхидей. Здесь был тупик. Она доходила до последнего дома под номером 9, участок возле которого граничил с лесом. Она не знала его обитателей, поскольку ей еще никогда не доводилось их видеть, ни в доме, ни около него. Но, прежде чем повернуть назад и пойти вниз по Акеляйвег, Ивонн всегда задерживалась на мгновение, чтобы его разглядеть.

Миновав симпатичную извилистую Мятную улицу и переулок Гортензий, она шла вверх по переулку Петуний. Эта часть предместья находилась на возвышенности, и имевшиеся здесь участки выглядели неухоженно.

С самого начала Ивонн полюбили эти улочки с их внезапными поворотами и крутыми ступенями, и порой она представляла себе, как вместе с Йоргеном купила бы здесь дом. Ну, к примеру, тот забавный, который его новые владельцы переделали в прошлом году в самый настоящий сказочный дворец и где отныне над шестигранной башней сверкал прикрепленный к шпилью золотой полумесяц, а пристройку в виде беседки венчала звезда. Ивонн вполне могла бы жить там вместе со своей семьей.

Но когда она была честна сама с собой, то с трудом могла представить себе мужа живущим здесь. И Симона. И даже она, Ивонн, которая с удовольствием бродила по этим улицам, едва ли смогла бы здесь жить. А это значит, что она вполне могла бы здесь жить, но только при условии, что была бы совсем не той Ивонн, что есть сейчас. Она и сама не знала, что имеет в виду.

Та Ивонн, которая существовала ныне, не очень-то хорошо ощущала бы себя в коттедже. Они с Йоргеном прежде имели свой дом, купив его, когда она была беременна Симоном. Тогда это соответствовало ее представлениям о том, какой должна быть жизнь семьи с ребенком.

Их дом находился в одном весьма привлекательном пригороде, почти на берегу моря, однако вскоре они осознали, что такая жизнь не для них. Йорген не относился к тому типу мужчин, которые по выходным натягивают на себя синий комбинезон и берутся за инструмент, а она – к тем женщинам, которые возятся в саду, едва у них выпадет свободная минутка.

Собственный дом то и дело доставлял дополнительные хлопоты помимо работы и ребенка, который не замедлил появиться на свет. Кроме того, им попросту не хватало города, кружки пива, опрокинутой по случаю в пивной на углу, или похода в кино. Через полтора года они продали свой дом и переехали в современную четырехкомнатную квартиру в центре города, где и обитали до сих пор.

Пройдя по улице Петуний, Ивонн оказалась на несколько однообразной Тисовой улице с идентичными домами из песчаника, построенными еще в шестидесятых годах.

Здесь, собственно, был только один дом, который заслуживал должного внимания. Этот коттедж целый год простоял без жильцов. Но это вовсе не означало, что он пребывал в запустении. Наоборот, был один из самых аккуратных домов во всем предместье, с исключительно ухоженным садом. Каждый вечер в окнах зажигался свет. И это было отнюдь не то освеще-

ние, что применялось в системах против взломов с характерным светильником на подоконнике. Весь дом пребывал в сиянии, со включенными повсюду плафонами, люстрами, настольными лампами, с освещенным подвалом и светильниками над разделочными столами на кухне, словно семья занималась всеми возможными делами. И эта лихорадочная активность включалась ровно в восемь часов вечера. Ивонн явственно представляла себе, как каждый из домохозяев по отдельности, притаившись в одной из темных комнат, ждал с пальцем на выключателе наступления этого волшебного момента.

Безусловно, все это освещение приводилось в действие контактными часами, но тем не менее каждый раз это было волнующее зрелище. Когда Ивонн в половине восьмого проходила мимо террасы с голым мужчиной, она оказывалась на Тисовой улице как раз в момент восьмичасового включения. Летом зрелище не было столь эффектно и выглядело несколько абсурдно, особенно при дневном свете.

Сад возле этого дома напоминал сады, которые можно построить из детского конструктора «Лего». Кусты были подстрижены в строго конической форме, трава выглядела так, словно ее подрезали лезвием. Иногда Ивонн даже казалось, что густо растущие на клумбах красные и желтые цветы были ненастоящими. Их весеннее появление всегда было таким же внезапным и неестественным, как и освещение самого дома. Ивонн пришла к заключению, что хотя цветы и были настоящими, но вначале произрастали не здесь, а в какой-нибудь оранжерее. Затем весной выросшие растения высаживали на клумбу, как те, что летом растут вокруг уличных кафе в центре города.

Владельцы дома появлялись здесь только в период с Рождества до Нового года. Тогда в гостиной стояла огромная превосходная, на американский манер, рождественская ель. Ее убранство было всегда выдержано в ослепительно-белой и золотой гамме, и можно было видеть, что комнаты полны нарядно одетых людей с бокалами вина в руках. Неужели все они и в самом деле настоящие? Или это трюк специальной фирмы, следившей за безопасностью дома и сада, в то время как их истинные владельцы проводят преждевременную старость в одной из роскошных вилл где-нибудь на солнечном побережье Испании?

После Тисовой улицы Ивонн снова попадала на улицу Флоксов и затем во второй раз проходила этот последний отрезок пути, но теперь уже в противоположном направлении. Так она шла вплоть до улицы Белых Шипов, а затем напрямик к машине.

После подобной прогулки Ивонн всегда ощущала в себе прилив сил и хорошее настроение.

Она радовалась возможности снова увидеть старых знакомых в домах предместья и понаблюдать за изменениями, произошедшими со времени ее последнего приезда. Но для этого ей вовсе не требовалось заводить разговор или приходить к кому-нибудь на обед. Это немного походило на старый знакомый телесериал, в котором события развивались не слишком стремительно, и вполне можно было пропустить одну или две серии, не потеряв при этом нити повествования. У Ивонн появились свои любимцы и те, кто обычно не вызывает интереса. В течение каждой серии одни персонажи исчезают, другие появляются, но именно в этом и заключается их прелесть.

Как и в сериале, в пределах этой географически ограниченной местности разыгрывалось свое действие, и складывалось впечатление, будто все было как на ладони. Мир в ореховой скорлупе. Ивонн словно разложила это предместье под микроскопом и, забавы ради, рассматривала людишек, которые попадали под ее окуляр и выскальзывали из-под него, изучала их внутреннюю сущность.

Конечно, при таком способе изучения людей существовала опасная вероятность поверить, будто что-то знаешь, хотя на самом деле ровным счетом ничего о них не было известно. Ивонн складывала два и два и восполняла недостающие пробелы, угадывала, фантазировала. Она вполне отдавала себе отчет в том, что на это предместье проецировала собственные

надежды, разочарования, страхи и страсти. Но она всего лишь смотрелась в пустое зеркало. Лишь переехав в пригород, принимая участие в его жизни, разговаривая с людьми, она и в самом деле смогла бы открыть для себя нечто новое.

Ей было крайне важно ничего не забыть. И чтобы вспомнить эти факты, во время каждой своей поездки в предместье она направлялась в самый конец улицы Орхидей, где был тупик, и останавливалась возле дома номер 9.

Именно этот дом не подпадал ни под какие ее гипотезы. Вглядываясь в него, она пыталась понять, что же видит перед собой. Силилась вызвать в сознании картину жизни его обитателей. Однако ничего, кроме обычного дома, не видела.

Это было симпатичное не очень большое аккуратно оштукатуренное жилище, с увитым плющом фронтоном. Оно выглядело как-то не совсем по-шведски, скорее по-датски или по-немецки, особенно если рассматривать его с фасадной стороны. Строение было выше и уже обычных шведских домов. Заостренная двухскатная крыша обхватывала дом, как скорлупа.

Несмотря на то что коттедж был в хорошем состоянии, примыкавший к нему огромный сад был неухожен. Большая его часть находилась за домом, но с улицы можно было разглядеть большой заброшенный огород с травой такой же высокой, как на лугу.

Сад плавно переходил в лес, и оттуда иногда доносились еле различимые звуки, которые усиливались в ветреную погоду. Ивонн полагала, что эти звуки были вызваны порывами ветра, при котором ударялись друг о друга металлические столбики.

Окна выглядели неприглядно. Льянные гардины естественной расцветки висели неряшливо. На одном из подоконников стояло единственное украшение – маленькая вазочка из светло-зеленой керамики. Наверняка какой-то китайский антиквариат. А может, просто дешевая подделка. Впрочем, это все равно. Форма вазы была простой и вместе с тем единственной в своем роде, и отсутствие других предметов вокруг придавало ей еще большую изысканность. Выставленный напоказ подобный предмет заставлял предположить наличие особого настроения и утонченного эстетического вкуса его обладателя.

Иногда Ивонн могла разглядеть в одной из дальних комнат свет, исходящий от какого-то низкого светильника – возможно, настольной лампы или торшера. А еще летом на первом этаже иногда было открыто окно.

Но еще ни разу ей не доводилось видеть там людей.

Когда Симон был маленьким, он часто играл в игру, которая называлась «Кто здесь живет?». В ней нужно было соединить животных с их жилищами: лошадь – с конюшней, собаку – с собачьей будкой, птицу – с гнездом и так далее. Со временем Ивонн весьма преуспела в этой игре, но уже в варианте предместья. Она пробовала отгадывать, кто живет в здешних домах, но порой, увидев их обитателей, была вынуждена вносить коррективы в сложившуюся раньше картину.

С домом номер 9 по улице Орхидей у Ивонн ничего не выходило. Несмотря на все свои наблюдения и исследования, она так ничего и не узнала. Это была та самая деталь пазла, которая всегда оказывалась лишней. Ивонн подумала о том, что вполне заслуживала такого результата.

А потом в теплый хмурый сентябрьский день произошло нечто из ряда вон выходящее.

На площадке, где Ивонн по обыкновению парковала машину, стояла доска объявлений – деревянный щит под маленькой крышей, на котором вывешивались объявления о сбежавших кошках, приглашения на ежегодное собрание членов товарищества поселенцев и сообщения о снижении цен в спортклубах. После того как Ивонн, совершив свой очередной обход, вернулась к машине, она заметила на стенде новое объявление. Вероятнее всего, оно было повешено еще до того, как она час назад проходила мимо этой доски, но, похоже, женщина его попросту не заметила.

Написанное от руки объявление гласило:

*«Требуется помощница по дому.
Работа несколько часов в неделю.
В обязанности входит уборка, глажка и т. д.
Б. Экберг, улица Орхидей, 9».*

На нижней части записки, порезанной на клочки, был написан номер телефона.

И тут Ивонн осенило, что у нее может появиться возможность хоть что-то узнать про обитателей этого дома. Ивонн могла бы позвонить по указанному телефону, представив все дело таким образом, будто ищет работу в качестве прислуги. Возможно, что ее пригласят на собеседование.

Только от одной мысли, что предстоит открывать ворота и идти по дорожке, посыпанной гравием, звонить в звонок, видеть, как хозяева открывают дверь, и потом переступить порог этого дома, ее пробил холодный пот. Конечно же она не скажет им своего настоящего имени и не даст номер своего телефона. А после собеседования никогда больше сюда не вернется.

Ивонн оторвала клочок с номером телефона Б. Экберга (еще никто не оторвал ни одного из номеров, ведь не так уж и много проходит здесь желающих найти место уборщицы) и спрятала его в сумочку.

Это была одна из многочисленных идей, постоянно, словно птицы, кружившихся у нее в мозгу и которые она так редко удостоивала вниманием, чтобы вот так запросто претворить их в жизнь.

Глава 6

Вскоре Ивонн об этой затее позабыла. Однако пару дней спустя, когда, стоя в гардеробе своего офиса, разыскивала визитную карточку одного своего клиента, смятый клочок бумаги попался ей на глаза, и, толком не разглядев, что это такое, она положила его вместе с визиткой на письменный стол и стала звонить клиенту.

После разговора Ивонн посмотрела на этот обрывок с чувством недоумения и недовольства.

В агентстве «Твое время» старались пресекать появление невнятных записок. Если все же таковые обнаруживались, то их обязательно обрабатывали, содержащуюся в них информацию переносили в базу данных.

Ивонн взяла трубку и быстро набрала номер, пытаясь при этом вспомнить, откуда он взялся.

Ей ответил мужской голос. Она поначалу хотела назвать свое настоящее имя, но, вспомнив ситуацию за долю секунды, выпалила:

– Я звоню по поводу работы помощницы по дому на пару часов в неделю.

– Да? – В голосе прозвучало явное недоверие.

– Я бы хотела устроиться, – решительно произнесла Ивонн.

– А кем вы работаете? Вы когда-нибудь уже занимались уборкой? Я имею в виду, профессионально?

– Я хорошо разбираюсь в той работе, которая вас интересует. И охотно расскажу вам о себе на собеседовании. А сейчас не самый подходящий для этого момент. Дело в том, что я звоню из агентства, где работаю, и поэтому сейчас не могу с вами подробно разговаривать.

– Да, тогда, пожалуй, вам следовало бы прийти. Какое время вас устроит? Может, сегодня вечером?

После прозвучавшего «сегодня вечером» странная затея Ивонн внезапно обрела удивительно реальные очертания. Она растерянно молчала.

– Алло? – услышала она голос мужчины.

Ивонн, которая по возможности старалась избегать пауз в разговорах, не знала, что и ответить. Она чувствовала, как ее затянувшееся молчание все больше становится похожим на темную водную гладь между мостками и палубой скользившей по ее поверхности лодки.

– Алло? Вы слышите меня? – вновь послышался голос мужчины. – Алло?

Теперь он звучал так, словно звонил сам мужчина, и при этом откуда-то издалека. Еще мгновение, и будет уже поздно.

– Да, – ответила она голосом спокойным и холодным, словно молчание было технически обусловленной необходимостью. – Я согласна.

Затем мужчина описал ей, как найти его дом, и Ивонн внимательно выслушала его, будто до этого ни разу не была на улице Орхидей.

Положив трубку, она с удивлением посмотрела на свою руку: та дрожала от волнения.

Цилла заглянула в комнату и спросила, не хочет ли Ивонн пойти вместе с ней на обед. Когда женщины расстались возле дверей кафе, Ивонн решила быстро пробежаться по магазинам. Она четко осознавала, что для устройства на работу уборщицей она не может показаться в своей обычной одежде, состоявшей из черного костюма, белоснежной блузки и итальянских кожаных сапог на высоком каблуке.

Она отправилась в магазин подержанной одежды, где выбрала брюки из хлопчатобумажного трикотажа и бежевую водолазку, которая выглядела немного свалывшейся и, может быть, даже не совсем чистой, но при этом была тонкой, словно вторая кожа, теплой и приятной на ощупь. Ивонн чувствовала себя в ней, как пушистое и гибкое животное.

Потом женщина подобрала себе пару туфель на плоской подошве и сумку через плечо из кож-зама. Теперь не хватало только пальто. Когда Ивонн проходила мимо вешалок со стегаными куртками и вельветовыми жакетами с искусственным мехом, разивших плесенью, она подумала о том, что все это – чистой воды безумие. И все же была вынуждена признать, что уже давно не испытывала такого удовольствия от покупки одежды.

Ее поиски увенчались успехом: она нашла поплиновое пальто с поясом. Когда Ивонн снимала его с вешалки, она заметила пришитую к воротнику фирменную этикетку с именем «Нора Брик». Не слишком известная марка.

Ивонн примерила пальто, завязала пояс, подняла воротник и тут же в него влюбилась. Несмотря на то что оно не имело ничего общего с одеждой, которую Ивонн обычно себе покупала, у нее возникло странное ощущение, что это пальто всегда принадлежало ей. Оно очень шло Ивонн, точно так же как этот незнакомый ей и в некотором смысле совершенно естественно попавшийся на глаза бренд «Нора Брик».

Ивонн вернулась в агентство с огромным пластиковым пакетом, полным подержанных вещей. Она дождалась, пока все служащие ушли, а затем надела эту новую старую одежду. Зачесала назад густые каштановые волосы и собрала их в высокий хвост, стерла макияж с лица и сняла украшения: золотую цепочку, маленькие жемчужные серьги, дизайнерское кольцо с огромным овальным камнем, подчеркивавшим ее тонкие пальцы. Из украшений на ней осталось только обручальное кольцо – бросакая деталь ее декора, широкое и массивное, как кольцо для салфеток. Это было одно из самых дорогих колец без узора, имевшихся в тот момент в ювелирном магазине, и Йорген захотел купить именно его. Вероятно, оно стало компенсацией за их не совсем удавшийся брак. Ивонн показалось, что это кольцо совершенно не сочетается с подержанной одеждой, и абсурдно даже пытаться представить его на своей руке на фоне этого потертого старья.

После недолгих колебаний Ивонн сняла кольцо, и, убирая его в отделение для монет в портмоне, неожиданно вспомнила одну давнишнюю историю, она тогда готовилась к операции по удалению аппендикса. Тогда ей тоже пришлось снять все личные вещи – одежду, украшения, резинки для волос и удалить макияж, а вместо этого она получила от медсестры белую хлопчатобумажную рубашку с застежкой на спине и целлофановую повязку, сводившие ее личность всего лишь к имени и персональному номеру. Тревожный страх смерти вкупе с волнующим чувством возрождения.

Ивонн посмотрела на себя в большое зеркало, висевшее в гардеробе. Теперь она выглядела совсем по-иному. Ей часто говорили, что она кажется моложе своих сорока с небольшим лет. Однако теперь она и в самом деле выглядела на сорок один, а то и старше. Лет на сорок пять. А все оттого, что была не накрашена.

Ивонн вспомнила свое отрочество, когда косметика удивительным образом могла превратить ее юное девичье личико в лицо взрослой женщины. Она подумала о том феномене, что макияж сначала делает старше, а потом снова моложе. Так когда же все-таки наступает этот пресловутый переломный момент? Лет в двадцать пять?

От водолазки зачесалась шея: нельзя было отрицать тот факт, что хотя и слабо, но все же довольно явственно она источала запах другого человека.

Ивонн застегнула пальто Норы Брик, повесила синтетическую сумку на плечо и вышла.

Глава 7

Она позвонила уже трижды, но никто не открывал. Из ближнего леса прилетел легкий ветерок, и до нее донесся скрежет вращавшейся в самом отдаленном углу сада вертушки. Он был прерывистым и глухим. Из глубины дома не доносилось ни звука, а подъездная дорожка была, как всегда, пуста.

Ивонн решила, что позвонит еще раз, а потом уйдет. Но едва она положила палец на звонок, как неожиданно дверь открылась.

Первыми в глаза Ивонн бросились мягкие черты лица: круглый нос, широкие и четко очерченные губы, выпуклый лоб с глубокими залысинами. Над верхней губой – глубокая ямка.

Мужчина лицом походил на зрелый плод, который кто-то мягко и осторожно сжал. Ростом он был с Ивонн (то есть метр семьдесят два), и его большие карие глаза испуганно смотрели прямо на нее.

– Вы не забыли, что я собиралась прийти к вам сегодня вечером? – спросила она. – Вы сказали «сегодня вечером», но если вам неудобно, то я могу прийти в следующий раз. – И когда мужчина снова промолчал в ответ, Ивонн добавила: – Я бы хотела устроиться уборщицей.

– Ах да, правильно! – воскликнул мужчина. Сначала на его лице появился налет облегчения, а потом он напрягся, и детская непосредственность его черт сменилась мужской решимостью. – Входите, пожалуйста. – И хозяин посторонился, пропуская гостью в прихожую и снова запирая дверь.

Он повел Ивонн через холл, но она была слишком взволнована, чтобы как следует оглядеться, – и это несмотря на то, что пришла сюда только для этого, – и пригласил ее сесть в гостиной. Ивонн сняла пальто и положила к себе на колени.

– Итак, – произнес Б. Экберг и уселся в кресле напротив нее. – Не могли бы вы рассказать о себе и опыте своей работы в качестве уборщицы и помощницы по дому? – Он говорил быстро, словно боялся, что она сможет расценить это предложение как повод поведать ему об истории собственной жизни.

– Я занимаюсь уборкой уже много лет, – несколько расплывчато произнесла Ивонн и огляделась.

Она обратила внимание на очень красивый старинный книжный шкаф, персидский ковер в темно – багровых тонах и огромный обеденный дубовый стол, очевидно служивший еще и в качестве рабочего, поскольку был завален книгами и стопками документов.

На одном из окон стояла маленькая зеленая ваза, которую Ивонн видела снаружи. На двух других, которые выходили во двор и поэтому находились вне пределов видимости, стояли горшки с высохшими и безжизненными комнатными цветами.

– Вы говорили, что убирали в каком – то агентстве?

– Именно так. Но это всего два часа работы в день, и мне этого мало. А сколько времени нужно работать у вас?

– Агентство – это совсем не то, что квартира, – заметил Б. Экберг, понизив голос до доброжелательного баса, и снова откинулся в кресле. – Поймите, существует большая разница между уборкой в офисе и частном доме.

Мужчина не ответил на вопрос Ивонн, и она попыталась скрыть свое раздражение.

– Дом, ну, к примеру, такой, как этот, требует особого подхода. Здесь есть деревянные поверхности, которые должны быть отполированы, а также предметы старины, которые нам особенно дороги. Хм. Что касается паркетных полов, знаете ли вы, к примеру, какого ухода требует паркет?

Если бы Ивонн на всех курсах по личностному развитию, которые посетила за все эти годы, сталкивалась с чем-то похожим, то, без сомнения, смогла бы четко разграничить свою

оценку и картину, обрисованную ей господином Экбергом, в соответствии с его пожеланиями, и беззаботно ответила бы ему: «М-да. До сих пор я занималась преимущественно чистой линолеумных покрытий, однако и с паркетными полами справлюсь. Их натирают специальной щеткой с разведенным в теплой воде чистящим порошком. Только не беспокойтесь, господин Экберг, полы я уже мыла. И уж если я здесь, то старому шкафу щетка также не повредила бы».

Тогда он схватился бы за голову, возмущившись огромным пробелом в знаниях об этом благороднейшем искусстве чистки, и сказал: «Вы решительно не подходите для этой работы».

В этом случае ей пришлось бы взять свое пальто от Норы Брик и стремительным шагом удалиться из дома номер 9 по улице Орхидей. После достижения своей цели оказаться в этом доме и вживую увидеть его владельцев она бы вновь вернулась к своей обычной жизни с делами агентства и семейными заботами. На сем вся эта история и подошла бы к концу.

Но есть вещи, как потом думала Ивонн, которые западают глубоко в душу и от которых невозможно избавиться.

Люди посещают курсы, занимаются терапией, медитируют, читают подряд все, что попадает им по какой-либо определенной теме, тренируют себя во всевозможных житейских ситуациях. Приходят новые ощущения, начинается рост, медленное движение вверх из той пропасти, в которой ты оказался в определенный период своей жизни. Шаг за шагом вырастает зрелый, проницательный человек, вооруженный знаниями о себе и других.

Но потом в совершенно безмятежной и не предвещающей ничего дурного ситуации происходит нечто из ряда вон выходящее. Оброненное кем-то замечание, чей-то случайный взгляд, жест – словом, самые заурядные вещи... И снова все летит кувырком в бездну, и все эти толпы инструкторов, с помощью которых медленно и последовательно вы двигались наверх, проносятся мимо за доли секунды.

И вот вы снова на дне пропасти, на пустом месте с психической зрелостью годовалого ребенка.

В случае Ивонн это были магические и очень опасные слова «Ты этого не можешь», и, хотя порой они завуалированы или взяты назад, а иногда даже просто выдуманы, все равно запускают внутри вас сигнал тревоги, и вы тут же должны доказывать обратное. И даже если в этих доказательствах нет необходимости, они даются ценой больших усилий, а иногда попросту напрямую вредят вам.

Ивонн Герstrand, преуспевающая, хорошо образованная женщина, владеющая собственным бизнесом, потеряла самообладание, поскольку совершенно незнакомый ей человек наметнул, что она, чего доброго, не сможет почистить его паркетные полы. Невероятно, но факт.

Поэтому для нее сразу оказалось крайне необходимо убедить господина Экберга в своей готовности к чистке паркета. Она выложила все о своем опыте в деле уборки квартир. И у кого только она не убирала. Она полировала бесценные комоды в стиле рококо, и стоило ей только подумать про инкрустированные полы у начальника окружного управления, как тут же пришлось подменять ушедшую на больничный тамошнюю уборщицу. И после всего этого, да простит ее господин Экберг, этот паркет для нее просто пустяк.

Хозяин дома остановил этот хвастливый поток слов расплывчатым жестом.

– Звучит неплохо, – пробормотал он.

И все же Ивонн показалось, что он колеблется. Она задавалась вопросом, не перегнула ли палку. Возможно, что ей вовсе не стоило заикаться про начальника окружного управления.

– К вам уже обращались с предложениями? – спросила Ивонн.

– Да, вчера одна девушка.

Значит, у нее есть соперницы.

– Но она была слишком молода – недавно бросила гимназию.

– О господи, – вздохнула Ивонн и покачала головой. – Можно себе представить, что это за девушки. Чистота и порядок не относятся к числу их самых выдающихся добродетелей. Они

повсюду бросают свои вещи, да еще дерзят в ответ, к тому же не закончив школу! А еще кто-нибудь обращался?

– Да, одна пожилая дама, пенсионерка. Но сказать по чести, я думаю, что она старовата.

– Ну конечно же старовата! И не важно, пенсионерка она или нет. Она определенно хочет иметь прибавку к пенсии. Но прошу прощения, я считаю, что пожилого человека вовсе не стоит использовать подобным образом.

– Да, у вас более подходящий возраст, – добавил Б. Экберг.

«А может, тебе захочется еще и заглянуть ко мне в рот, все ли у меня зубы на месте?» – подумала Ивонн.

– Таким образом, получается, что вы уже выполняли работу по дому. А у вас имеются какие-нибудь рекомендации? Извините, пожалуйста, но это уже вопрос огромного доверия, когда кого-то так запросто пускаешь в свой дом.

Ивонн достала из сумки портмоне и вынула оттуда одну из своих собственных визиток.

«Ивонн Герстранд, консультирование по вопросам организации времени, АО «Твое время», – прочел он.

– Это ее рабочий номер. Но я убирала у нее и дома. Всего восемь комнат, в пяти из которых паркет. А также имеется китайский фарфор, который я протираю каждые три дня. Она исключительно педантичный человек. Еще люстра с семьюстами подвесками...

– Спасибо, спасибо, – уклончиво махнув рукой, поспешил остановить ее господин Экберг.

– ...которые необходимо было снимать все ив...

– Я уверен, что вы справляетесь с работой.

– При желании вы можете ей позвонить: она всегда была очень довольна моей работой, – заключила Ивонн.

Она уже прикинула в голове хвалебную речь, которую произнесла бы в том случае, если бы он позвонил. Йорген всегда говорил, что по телефону ее голос звучит несколько иначе, и она определенно могла бы ввести Б. Экберга в заблуждение.

– Что ж, неплохо. Должно быть, вы очень хороший работник, – заметил он.

Наконец Ивонн замолчала и откинулась на спинку стула.

Именно эти слова она и хотела услышать. Ощущение сладостного тепла заполнило ее нутро, затмив собой чувство голода.

– Лучше вас мне не найти, это ясно. Да, вы знаете в этом деле толк. Раз в неделю генеральная уборка, а также, по необходимости, еще глажка рубашек и уборка на кухне. Всего один раз в неделю, и на все про все два-три часа времени. Если потребуется еще что-либо, я буду оставлять вам записки. Рубашки лежат на стиральной машине в ванной. Гладильная доска и утюг – там же. Все принадлежности для уборки в шкафу на кухне. Деньги я буду оставлять в конверте на кухонном столе.

Ивонн почти ничего не слышала из хлынувшего на нее потока слов: в ее ушах звенела лишь фраза «вы очень хороший работник».

– Вы не могли бы приступить в понедельник после обеда?

Преисполненная счастья Ивонн кивнула:

– Замечательно.

Мужчина наклонился к Ивонн и вручил ей ключ. Она положила его в сумку, затем встала и направилась к выходу слегка раскачивающейся походкой. Она все еще никак не могла прийти в себя от охватившего ее упоения.

– А как, собственно, вас зовут? – спросил мужчина.

– Нора Брик, – услышал он в ответ.

Это имя прозвучало как имя голливудской кинозвезды сороковых и немного даже напугало Ивонн. Ей наверняка следовало бы взять себе более правдоподобное имя.

Но похоже, это ничуть не смутило господина Экберга.

– Ага, значит, до понедельника, Нора.

Ивонн, пританцовывая, шла по улице Орхидей. На Ливневой улице она несколько сбавила темп и только в Мятном переулке окончательно пришла в себя.

Что же она наделала?! Получила место экономки в доме какого-то несимпатичного лодыря, который не хочет даже рубашку себе погладить.

И это был предел ее мечтаний?! Нет, у нее теперь в сумочке есть еще и ключ.

Ивонн уже завела машину, когда ее внезапно осенило, что она забыла еще кое о чем его спросить. Будучи женщиной, всегда знавшей себе цену и четко обговаривавшей этот вопрос на местах, где ей предстояло приступить к работе по администрированию или ведению хозяйства, и без колебаний выписывавшей огромные счета в качестве гонораров за свои услуги, она всего-навсего ограничилась словами благодарности за эту дерьмовую работу, даже не заикнувшись про размер оплаты.

Глава 8

Дома Ивонн появилась около девяти. Уже на протяжении двух лет она приходила домой так поздно. В последнее время не работала подолгу, но чаще всего не торопилась возвращаться домой. Зачастую она либо задерживалась по делам в офисе, либо ехала в спортивный клуб или в предместье.

Через полуоткрытую дверь она увидела сына, Симона, сидевшего за компьютером и целиком поглощенного игрой. Он, не поворачиваясь, сказал ей «привет». Ивонн подошла к сыну и взъерошила его волосы. Его взгляд был устремлен в монитор, пальцы стремительно подпрыгивали над клавиатурой. На экране сражались армии существ, внешним видом смахивавших на неандертальцев, и все это действие сопровождалось доносившимися с обеих сторон частыми стонами и хрипами.

– Папа дома? – спросила Ивонн.

Симон покачал головой:

– Нет, он сегодня в Стокгольме.

Точно, Йорген был сегодня в Стокгольме, значит, наверняка вернется домой не раньше одиннадцати.

Ивонн вошла в спальню и переоделась. Свою подержанную одежду она засунула в пластиковый пакет. Завтра по дороге на работу притормозит возле какого-нибудь мусорного контейнера и выбросит ее.

Ивонн заварила себе чай, поставила диск с национальной ирландской музыкой и уселась в кресло для релаксации, изготовленное из стальной трубы и светлой кожи, в котором ей было безумно комфортно. Правда, когда на нем восседал ее муж, складывалось впечатление, что он сидит в кресле зубодробительного кабинета. Откинувшись на спинку, она полулежа слушала чистый женский голос и древние мистические напевы.

Она окинула взглядом дорого и со вкусом обставленную комнату. Однако в ней не было так же уютно, как у Б. Экберга.

Но в чем же причина? Наверное, в том, что его комната обрела свой внешний вид медленно, на протяжении долгого времени, в то время как они вместе с Йоргеном купили всю мебель всего за пару безумных выходных.

Но как же, собственно, выглядит этот дом номер 9 по улице Орхидей? Ивонн попыталась вспомнить увиденную там мебель, ткани, цвета. Но, по-видимому, все забыла. Да, по правде говоря, она там ничего толком и не рассмотрела. Все ее усилия, направленные на то, чтобы быть принятой на работу в качестве достойной прислуги, заняли тогда все ее внимание. Женщина помнила только старинный шкаф, который нужно тщательно полировать, и этот проклятый паркет, который, по правде, выглядел не лучшим образом.

А люстра? Нет, эту деталь из своего фиктивного прошлого домработницы она просто выдумала. Люстры не было абсолютно точно.

Но как тогда все-таки он выглядел? У женщины осталось впечатление домашнего уюта и вместе с тем... некоей запущенности. Эти высохшие и совершенно безжизненные цветы на окнах. А может, еще и небольшой беспорядок? Ну да, точно: огромный стол со стопками бумаг, повсюду, и даже на полу, книги и картонные папки.

Ну а что сам Б. Экберг? Ему, вероятно, лет сорок пять. Отталкивающе высокомерный, снисходительный. Но в какой-то момент, когда только открыл дверь, – такой уязвимый, почти испуганный.

А его внешний вид, его черты лица? Нет, этого она вспомнить не могла: лицо мужчины полностью растворилось в ее памяти.

Ивонн рассердилась на саму себя: она проделала то, чем никогда прежде не занималась: лгала, назвалась чужим именем, переодевалась в другую одежду. Наконец, она подвергала себя огромному риску. И все это исключительно ради того, чтобы поглазеть на дом изнутри и познакомиться с его владельцем. И вот, в результате всего этого она почти ничего не запомнила из увиденного там! Что же, собственно, дал ей этот мучительный визит? Одни проблемы. Обещание, которое она и не думала выполнять, ключ, от которого не знала, как избавиться, а также вполне очевидные угрызения совести.

Ивонн приняла ванну с успокоительными травами и, когда вскоре после этого вернулся домой Йорген, легла в постель и принялась смотреть по телевизору какой-то американский детектив. Муж расстегнул ворот рубашки и, не раздеваясь, лег рядом с ней поверх одеяла. Он сдвинул очки на лоб и закрыл глаза. Ивонн через одеяло прижалась к нему благоухающим телом.

– Устал? – шепнула она.

Йорген кивнул. От этого жеста его очки сползли на одеяло, но он не стал их поднимать.

– Чем ты сегодня занималась? – пробормотал он сонным голосом.

Ивонн призадумалась. Они рассказывали друг другу обо всем, чем занимались: о работе, о встречах с друзьями, о том, что делали в свободное время. И непременно о Симоне. Это были общедоступные сферы, открытые для дискуссий и обмена взглядами. Но наряду с этим у каждого из них, если на то пошло, имелись еще и свои секреты. Что касается Йоргена, то речь здесь шла о его изменах и весьма сомнительных сделках, которые он проворачивал на работе наряду со своими прямыми обязанностями на фирме.

У Ивонн это было связано с предместьем и с большей частью ее детских воспоминаний.

И визит к Б. Экбергу безусловно относился к этой глубоко личностной стороне, а именно к теме предместья, тем самым, по своей сути, весьма сильно смахивая на серию налоговых махинаций ее мужа и на его грязные ночные похождения, лживые, постыдные и аморальные.

– Как обычно, ничего особенного, – нежно ответила она. – А как прошла твоя поездка в Стокгольм?

Но ответа не последовало – Йорген спал. Тогда Ивонн взяла его очки и, перегнувшись, положила на прикроватную тумбочку. При помощи дистанционного пульта она выключила телевизор, но тушить свет не стала. Повернулась на бок лицом к Йоргену и посмотрела на него взглядом полным нежности.

Она прекрасно помнила, в какой именно момент приняла решение выйти за него замуж.

Это произошло вскоре после смерти матери Ивонн, когда она была вынуждена забрать материнские вещи из ее квартиры. Не общаясь с матерью на протяжении многих лет, она понятия не имела о том, что эта квартира вообще существует в природе. Ивонн думала, что мать давно выехала из нее. И это была отнюдь не та большая квартира в самом центре города, в которой прошли все ее детство и юность, а совсем маленькая, где-то на окраине. Ее мать, находясь на попечении социальных служб, проживала в ней в тот период, когда состояла на учете в лечебном учреждении, однако в последние годы квартира пустовала.

Ивонн опасалась того момента, когда ей придется восстанавливать эту часть своего прошлого. И поэтому призвала Йоргена в качестве опоры.

По счастью, большая часть работы была уже сделана до нее. Люди (возможно, из социальной службы), помогавшие ее матери при переезде из большой квартиры в другую, поменьше, выкинули (а может, и продали?) почти всю мебель. Теперь здесь стояла мягкая мебель голубого цвета из ИКЕА, которую Ивонн никогда прежде не видела, а на окнах висели гардины с ярко-желтыми тюльпанами, которые никак не вязались в ее сознании с образом матери. Однако высокий старинный комод был все еще цел, равно как и секретер, и Ивонн пришлось навести в них порядок и хотя бы мельком просмотреть содержимое, прежде чем выбросить все в черный пакет для мусора, который она прихватила с собой.

В нижнем ящике секретера, под пачкой старых театральных программ Ивонн нашла свою фотографию. Этот снимок был сделан, когда она ходила то ли в седьмой, то ли в восьмой класс. Первым желанием Ивонн было порвать его на мелкие кусочки, а затем выбросить, но Йорген оказался проворнее и сумел выхватить фото.

– Да это же ты, Ивонн, – вырвалось у него.

– Дай сюда, – потребовала она. – Это нужно выкинуть.

Ей вовсе не хотелось вспоминать те времена. И еще меньше ей хотелось, чтобы Йорген увидел, какой она была в те годы.

Но ее будущий муж поднял снимок высоко над головой и, внимательно рассмотрев его, изрек:

– Вот теперь я знаю, какой ты была девчонкой.

У Ивонн появилось ощущение, будто пол в квартире ее матери уплывает прямо у нее из-под ног, а она сама срывается и стремительно летит в черную пропасть. Она потянулась за фотографией, но Йорген поднял ее еще выше и, не переставая рассматривать, продолжил высказывать свои замечания злобным и монотонным голосом, которого Ивонн никогда прежде не слышала:

– Ты была одной из тех самых симпатичных девочек в классе, завоевать благосклонность которых у меня не было ни единого шанса. Когда вы со своими подружками стояли на школьном дворе и какой-нибудь из парней проходил мимо, вы начинали громко хихикать и смеяться, приводя его в смущение. И он никогда не знал, смеялись ли вы над ним или над чем-то еще. Ты была одной из тех, кто на вопрос, можно ли с тобой встретиться, отвечала «возможно». А когда тебе звонили домой и твоя мать поднимала трубку, было слышно, как ты шептала, что тебя нет дома. Ты могла так смотреть на парня огромными красивыми глазами, что он бог весть что воображал, а потом узнавал, что в это время ты уже встречалась с тупым типом, который уже закончил школу и получил водительские права.

– Что? – выкрикнула Ивонн.

Йорген пристально посмотрел на нее.

– А можешь ли ты себе представить, каково было парню, с которым ты сначала флиртуешь и на которого потом не обращаешь внимания?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь?

– Нет, я думаю, что все ты прекрасно понимаешь. Я не верю в то, что такие, как ты, девчонки не знали, что они делали с такими, как я, мальчишками. Как вы подрывали наше чувство собственного достоинства. Вы всегда были такими красивыми, самоуверенными и надменными. Мы ненавидели вас за то, что вы причиняли нам столько боли.

Йорген замолчал и еще раз посмотрел на снимок, прищулив глаза, а потом со вздохом добавил:

– Господи, Ивонн, да я бы просто боготворил тебя, если бы мы были тогда с тобой знакомы!

Она растерянно уставилась на Йоргена. Что это: особо деликатная форма иронии или, быть может, он что-то узнал о ее прошлом?

– Достаточно, – оборвала его Ивонн и, протянув руку, выхватила фото.

Она повернулась к мусорному мешку и, уже собираясь порвать снимок на кусочки, остановилась. Неожиданно для себя самой она увидела то, что перед этим видел Йорген: лицо юной девушки с длинными, шоколадного цвета волосами, очень мило расчесанными. Слегка раскосые карие глаза и фантастически гладкая кожа. Застывшая на губах улыбка была слишком широкой, чтобы быть искренней: типичная улыбка – чиз, для фотографа, однако чопорная осанка вполне могла означать высокомерие и надменность.

И тогда она поняла все, что Йорген имел в виду. Но почему же она не видела эту симпатичную девочку, когда, будучи подростком, смотрелась в зеркало? Почему видела только лицо,

которое было ей так ненавистно, и делала все, чтобы спрятать его за длинными волосами, шарфами или высокими вязаными воротниками, в которые можно было просунуть подбородок?

– Я бы по уши в тебя влюбился, если бы тогда мы были с тобой знакомы, – услышала она слова стоявшего за спиной Йоргена.

И в этот момент она полюбила его.

Но то, что он был влюблен в нее, стоявшую теперь в квартире своей матери, не имело для Ивонн ровным счетом никакого значения. Самоуверенная двадцатилетняя женщина, покупавшая себе одежду от самых известных домов моды, использовавшая серию по уходу «Канебо», тренировавшая свое изящное тело в фитнес-клубе и расслаблявшая высокоэффективный и острый ум путем медитаций, была знакома со многими мужчинами, проявлявшими к ней интерес. А она сосредотачивала свой взгляд только на тех, кто бы мог быть ей полезным в ее профессиональной деятельности в расчете на длительную перспективу и лишь ненадолго годился бы в постели. Когда они говорили: «Я тебя люблю», то она воспринимала эти слова всего лишь как комплимент, при этом прекрасно понимая, что они имели в виду не «люблю» и конечно же не «тебя». Они просто не были на это способны.

Они встречались с Йоргеном на протяжении полугода и находили друг друга весьма привлекательными, прекрасно чувствуя себя в компании друг друга, но при этом не давая друг другу никаких обещаний. Он был таким же, как и все. И так продолжалось вплоть до того момента, когда, стоя возле секретера матери Ивонн, они увидели ее старую школьную фотокарточку.

Йорген разглядел в четырнадцатилетней девочке нечто особенное. Он увидел, что она была привлекательной и в такую, как она, можно было влюбиться. Тем самым он заработал ее прощение.

В тот момент Ивонн приняла решение выйти за него замуж, а четыре месяца спустя они поженились.

Они прекрасно подходили друг другу. Легко возбудимый импульсивный темперамент Йоргена хорошо гармонировал с ее методичным спокойствием. Они оба интересовались политикой и были едины во мнении, что карьера очень важна для обоих, что постельное белье должно быть чистым, но при этом немытые окна их вполне устраивали, что секса два раза в неделю достаточно, что кофе с сахаром – это отвратительно и что посещения родственников должны ограничиваться лишь семейными праздниками и юбилеями. Детей они хотели как можно скорее, но одного было вполне достаточно.

Они редко ссорились, и брак мог быть по-настоящему крепким, не будь он построен на огромной лжи.

Потому что Ивонн никогда не была той симпатичной, высокомерной девочкой, что стояла вместе со своими подружками на школьном дворе и могла подыскивать себе мальчиков или даже бросать их. Она была настоящей парией, к которой не хотели прикасаться ни девочки, ни мальчишки.

Глава 9

В третьем классе она влюбилась в одного мальчика, которого звали Кеннет. Играя на одном из праздников вместе с одноклассниками в «русскую почту», она усмотрела свой шанс вступить с ним в телесный контакт: будь то рукопожатие, объятия, поглаживания, а в лучшем случае – даже поцелуй. Она затаила дыхание, когда Кеннет в качестве почтальона встал перед дверью, чтобы разнести почту. «Поцелуй!» – самоуверенно крикнул он, и нетерпеливый шепот пронесся по слабо освещенной комнате. Кто-то долго ходил по кругу с вытянутым пальцем: «Этому или этому?» И когда Кеннет наконец крикнул «Да!», палец указал на Ивонн. Послышались приглушенные смешки.

- Ты уверен? – спросила девочка, указывавшая на нее пальцем.
- Да, – снова раздался снаружи самоуверенный голос Кеннета.
- Ты абсолютно уверен в том, что хочешь доставить почту этому человеку?
- Ну конечно.

Дверь открылась. Опять смех и сочувственный шепот. Затем вытянутый вперед палец. Кеннет уставился на Ивонн, а потом попытался повернуть обратно и выйти, но его остановили и потащили к ней.

- Нет, черт подери, нет, – отчаянно сопротивлялся он.
- Отпустите его. Я думаю, что ему вовсе не обязательно это делать, – заметил кто-то.
- А почему нет? Он сказал «да». Он должен следовать правилам. Ну, давай, Кеннет. Ты должен передать ей почту!

- Я не думал, что ты покажешь на нее. Она же не играла.

И тут возник ожесточенный спор. Некоторые стояли на своем: таковы правила игры, и «да» означает «да».

Другие оказались несколько лояльней:

- Это, конечно, так, но не нужно же быть такими строгими. Захочется ли на самом деле тебе самому целовать того, от кого разит мочой?

В конце концов, все сошлись на том, чтобы сделать исключение из правил. Если выпадало на Ивонн, достаточно было просто протянуть ей руку вне зависимости от того, что этот человек сказал, стоя перед дверью.

Кеннет попытался увильнуть и от этого послабления, но, уступив давлению класса, неохотно протянул Ивонн свою руку и слегка коснулся кончиков ее пальцев. И тогда хихиканье переросло в восторженный визг с примесью отвращения.

- Тьфу ты, черт подери, – отозвался Кеннет и вытер руку о штанину.

Ближе чем в этот раз никто из одноклассников Ивонн никогда больше к ней не приближался.

Но Ивонн никогда не упрекала их за это. От нее и вправду несло мочой. Дома туалетная бумага появлялась редко, и у ее трусов всегда был неопределенный желто-коричневый цвет. Девочка думала, что это вполне нормально. Она лишь изредка мыла руки, в большинстве случаев забывая про ванну или душ, и никто не удосуживался напомнить ей об этом.

Иногда все же на нее надевали красивые вещи – когда приходило приглашение на обед к бабушке, перед приходом доктора Виллениуса, врача матери, или перед походом в оперу.

В таких случаях мать ставила ее в ванну посреди груды грязного белья, плававшего вокруг в холодной воде, и отмывала, как какую-то вещь. Она скребла ее жесткой щеткой, а когда смывала с волос шампунь, не обращала никакого внимания на то, что он стекал дочери в глаза. Ивонн иногда получала свежие платья, и тогда старые оставались лежать в ванне в грязной жиже для замачивания в ожидании большой стирки, которая так и не наступала.

У бабушки всегда было настолько чисто и уютно, насколько грязно и неряшливо у матери Ивонн. Они все трое сидели в красивой комнате и обедали. Мать без устали щебетала, рассказывая о посещении оперы и о школьных успехах Ивонн. Бабушка, должно быть, была в курсе того, как обстоят дела у внучки, однако видела только то, что хотела видеть.

Мать Ивонн была уже давно больна, но никто не хотел принимать это всерьез. В ее возвышенном семействе не говорили ни о приступах ее беспричинного страха, ни о паранойе, ни о галлюцинациях. Когда ей было двадцать, она вышла замуж, и спустя год на свет появилась Ивонн. Беременность и последующее рождение ребенка спровоцировали приступы психоза, и замалчивать этот факт было уже нельзя. Мать легла в психиатрическую клинику, недолгий брак распался, а Ивонн стала жить у бабушки под присмотром няни. Через год мать выписали, и она забрала дочь к себе домой.

Ивонн не могла припомнить, чтобы отец жил с ними когда-нибудь. Формально родители девочки были женаты до тех пор, пока ей не исполнилось пять лет. В действительности, как полагала сама Ивонн, уже во время послеродового психоза матери он бросился в бег. Девочка встречалась с ним пару раз в году. Он ждал ее у дверей дома, и они вместе шли в кино, музеи, цирк или на другие представления. Он был очень вежлив и крайне напряжен. И у девочки всегда было ощущение того, что он, равно как и она сама, приходит на эти встречи только из чувства долга.

У матери периоды улучшения чередовались с периодами обострений. Болезнь протекала медленно и мучительно, со всевозможными симптомами и признаками, а переход к здоровому периоду мог наступить внезапно, в течение всего одной ночи. Тогда на следующее утро Ивонн видела, как ее мать, стоя на кухне, с ужасом глядит на то, что творится вокруг. Затем девочка отправлялась со списком покупок в магазин за продуктами, отсутствовавшими в холодильнике, в то время как сама мать принималась за уборку.

У матери Ивонн была фантастическая способность брать себя в руки в случае крайней необходимости. Такая крайняя необходимость чаще всего приключалась, когда она посещала своего врача, доктора Виллениуса. Ивонн позднее предположила, что тот был психиатром, хотя об этом никогда не говорилось вслух. Ее матери в таких случаях всегда хотелось, чтобы дочь была при ней, в новых нарядных платьях, с расчесанными завитыми волосами. Это был весьма значимый элемент во внешней стороне жизни матери: «Вы только посмотрите, как хорошо я забочусь о своей дочери».

Доктор Виллениус – старый заядлый курильщик с физиономией легавого пса – слушал щебетанье пациентки с полуприкрытыми глазами, бормотал под нос что – то невнятное и выпи-сывал ей лекарства, которые она покупала по пути домой. Лекарства хранились в шкафчике ванной комнаты, и мать забывала про них до тех пор, пока, внезапно спохватившись в один прекрасный день, не принимала огромную дозу и потом надолго выходила из строя.

В этом и заключалось ее лечение. Бабушка отказывалась верить в то, что ее дочь больна, ну а доктор Виллениус был заинтересован только в собственных гонорарах.

Позднее Ивонн очень часто хотелось, чтобы ее мать и в самом деле хоть раз лишилась рассудка на улице или в магазине, чтобы люди, наконец, обратили на нее внимание и забрали ее в полицию. Но для этого мать была слишком хитра. Паранойя бушевала в ее теле, в ушах звенело от галлюцинаций, но она приосанивалась и, закусив губы, чопорно улыбалась.

Не так давно по телевизору Ивонн слышала рассказ одного ветеринара о том, что при лечении больных птиц у него всегда возникают трудности, поскольку пернатые могут искусно притворяться здоровыми. Птицы распушают перья и щебечут до тех пор, пока хозяин находится рядом с ними. Таков инстинкт самосохранения, ведь больная птица рискует быть до смерти заклеванной собратьями. Хотите знать, как это происходит на самом деле у волнистых попугайчиков и у других особей, – просто понаблюдайте за ними дома.

То же самое было и у матери Ивонн. Показать себя слабой и больной было для нее смертельно опасно: этому она научилась еще с детства. Ей необходимо было оставаться бодрой, веселой, розовощекой, в противном случае она неотвратимо будет заклевана другими. Ее заученное «здоровое» поведение глубоко засело в ее мозгу, в ее рефлексам, и, когда возникала необходимость, оно просто давило ей на мозг, и тогда возникали эти фразы и жесты.

При этом ее поведение не выглядело совершенно нормальным. Женщина говорила как-то механически, чересчур громко смеялась, нелепо одевалась. Но при этом вполне могла сойти просто за несколько необычного и странноватого человека.

Когда ей и в самом деле становилось плохо, она уже не выстраивала этот внешний фасад. В такие дни она не выходила из квартиры и никого к себе не впускала. В такие периоды она рассматривала дочь как часть своих галлюцинаций. Неким таинственным образом ее дочь продолжала оставаться для нее эмбрионом, противной и омерзительной частью ее тела.

Хуже всего приходилось Ивонн, когда мать пугалась ее. Ее страх был в десятки раз страшнее гнева. По вполне понятным причинам девочке часто снились кошмары, и в одну из таких ночей, проснувшись от очередного кошмара, она пробралась в комнату матери и подползла к ее кровати, чтобы та ее успокоила.

Мать проснулась с диким криком и, накинувшись на дочь, принялась ее царапать. Из едва различимых фраз своей истошно кричавшей матери Ивонн поняла, что та увидела в ней огромного краба, заползшего на ее кровать и впившегося в ее тело. Кошмарный сон Ивонн не шел ни в какое сравнение с тем ужасом, который она тогда пережила.

Еду девочке в большинстве случаев приходилось готовить самой. Она всему обучалась путем проб и ошибок. Училась открывать консервные банки и зажигать газовую плиту. Тогда по телевидению не было такого множества передач по кулинарии, как сейчас, но она запомнила все, что видела.

В школе она конечно же была изгоем. Ее платья выглядели нелепо. Мать девочки покупала их в одном из близлежащих магазинов детских товаров. Продавщица была старой, дряхлой, равно как и ее покупательницы. В каком-то укромном месте у нее имелся неисчерпаемый запас розовых детских платьев с рюшами, которые, вероятно, были пределом мечтаний для четырехлетних принцесс, но чем старше становилась Ивонн, тем невыносимее они смотрелись. Особенно потому, что девочке приходилось почти до двенадцати лет носить модели, рассчитанные на семилетних детей, отчего они неумолимо рвались по швам.

Мать Ивонн обожала оперу. Она брала дочь на постановки «Тоски», «Кармен» и «Травиаты». Она была членом клуба друзей оперы, и это означало, что проходила по специальным приглашениям, а в фойе вместе с толпой таких же тетюшек получала канapé с семгой. Перед началом спектакля режиссер выступал с небольшим докладом о композиторе, а один пожилой оперный певец рассказывал истории из своей жизни и напевал несколько мотивов.

В мире оперы мать Ивонн снова оживала. Она питала страсть к разноцветным костюмам, к пышным нарядам и гриму. Сильнейшие чувства, которые оказывали на нее разрушительное действие, – локализованные и подавляемые либо внезапно бесконтрольно вырывавшиеся наружу, облагороженные искусством, вновь становились покорными.

Ивонн ненавидела оперу и все, что было с ней связано; для девочки она ассоциировалась с одним сплошным психозом. Но самое ужасное заключалось в том, что она и ее мать очень подходили друг другу. Мать всегда накладывала на лицо слишком много косметики и носила яркие красные или голубые костюмы, толстые золотые цепочки и парики, поскольку ее волосы из-за тяжелых периодов болезни были неухоженными и выглядели взлохмаченными. И рядом с ней Ивонн в своих платьицах из тюля, с завитыми локонами и бантами. Очень часто ей приходилось выходить на сцену, чтобы получить автограф в своем либретто.

Однако в такие вечера у Ивонн всегда были исключительно чистые платья, и от нее не несло мочой.

В девятом классе к ним в школу пришла энергичная преподавательница театрального искусства. Она проходила по классам и набирала желающих принять участие в постановке пьесы Ионеску «Лысая певица».

– Мне нужны молодые люди, готовые взяться за нечто необычное, – воодушевленно обратилась она к классу и принялась размахивать руками под вязаным пончо. – Здесь есть такие?

– Ивонн, Ивонн! – закричали мальчишки, которые обычно издевались над ней.

– Кто это – Ивонн?

Девочке захотелось провалиться сквозь землю.

– Прекрасно, Ивонн. Как твоя фамилия? Я запишу тебя. Значит, в пятницу в десять тридцать в актовом зале. До встречи.

И как хорошо выдрессированный пес, которым она фактически и являлась, девочка отправилась на репетицию.

Желающих оказалось куда больше, чем ролей. Но вскоре многие отсеялись. Соизволившие прийти девочки быстро смекнули, что здесь не было феерических ролей, которые сразу сделали бы из них звезд.

– Как я поняла, вы сказали «Лысая певица». А это так и вправду называется – «лысая»? Тогда лучше не надо.

– А участие в постановке будет засчитываться как оценка? – спросила другая, и, услышав, что это совсем не тот случай, тут же исчезла вместе с еще тремя-четырьмя другими.

Потом здесь оказались еще и те, кто надеялся быть освобожденным от занятий. Но только первое, вводное занятие состоялось на уроках, потом нужно было приходить в свободное время. Затем образовался круг из нескольких оставшихся учеников, которые еще колебались. Ивонн была единственной из своего класса, чему была очень рада.

После первых мучительных занятий по театральному искусству дети приступили к репетициям. Ивонн отбарабанила свои слова так же громко и монотонно, как и остальные. «Лысая певица» – это была совершенно абсурдная и непонятная пьеса, но у нее имелось одно преимущество, заключавшееся в том, что ничего не случится, если кто-нибудь пропустит пару фраз или начнет цитировать их в неправильной последовательности. Никто ничего даже не заметит.

Перед премьерой с Ивонн что-то произошло. Когда она стояла на сцене актового зала, ее нервозность как ветром сдуло. Несмотря на то что на нее смотрела вся школа, у нее возникло такое ощущение, будто она совершенно одна. И это вовсе не было то неприятное чувство одиночества, а ощущение полной расслабленности и раскованности, словно лежишь вечером в постели и чувствуешь, как твои мысли свободно витают в полудреме.

Внезапно Ивонн превратилась в миссис Смит, которую она представляла на сцене. Девочка стала по – другому двигаться, по – другому разговаривать. Словно в ней скрывался другой человек, вышедший наружу только сейчас. Она не понимала смысла этих странных фраз, но произносила слова как само собой разумеющееся. (Впоследствии ей стало понятно, что между миссис Смит и ее матерью было много сходного, и если хорошенько вдуматься, то сама Ивонн выросла в не менее драматичных условиях и что, когда мать девочки выдавала свои трехчасовые монологи, и Ионеску, и даже Беккет просто отдыхали.)

Через мгновение исчезло ощущение одиночества, и она осознала присутствие вокруг себя публики. Было совсем тихо, и она пришла в еще большее возбуждение. Ивонн, осмелившись воспользоваться присутствием зрителей, поняла смысл выражения «контакт с аудиторией».

Постановка прошла с большим успехом. Все говорили об артистических способностях Ивонн. Потом их приглашали в другие школы: сначала в родном городе, потом и в соседних городах округа. Неожиданно одноклассники прониклись к Ивонн уважением, а иногда у девочки и вовсе возникало ощущение, что они даже немного робеют перед ней. Один маль-

чик, который писал резкие стихи социальной направленности и был председателем школьного совета, разговаривал с ней как с равной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.